

Куратор авангарда

Владимир Издебский в Русском музее

КоммерсантЪ 8-2005-27 апр. - с. 22

ВЫСТАВКА абстракция

В Русском музее открылась очередная выставка из цикла «Возвращение»: из фондов достали скульптуру, графику и живопись Владимира Издебского (1882–1965), куратора легендарных салонов, который (вследствие эмиграции) на родине как художник был практически не известен. В начале 1990-х его дочь и наследница Галина Издебская-Причард подарила все, что осталось от отца, а это около 200 работ, Русскому музею. Два года назад в Москве показали кое-что из этого дара вместе с живописью русского авангарда, выставленной в салонах. Теперь дошла очередь до большой персональной выставки их организатора. Рассказывает АННА ТОЛСТОВА.

Одессит Владимир Издебский явно был человек с характером. Взять те же «международные салоны» — две выставки западных и русских авангардистов (1909–1911), за устройство которых его теперь почитают Дягилевым от живописи и включают в любую историю русского модернизма. Со всех сторон плюются, смеются, почтеннейшая публика пририсовывает усы на портретах. Патриарх передвижничества Илья Ефимович Репин хамит, обзывает сволочью, в «Биржевых ведомостях» обличает: «Здесь нас ожидал целый ад цинизма западных бездарностей — хулиганов, саврасов без узды, на полной свободе выкидывающих курбеты красками на холстах. Все эти мазилы, прежде всего, лентяи и холодные скопцы в искусстве». А Издебскому все нипочем: везет своих «скопцов-саврасов» из Одессы в Киев, а оттуда в Петербург и Ригу, а потом еще раз Одесса, Николаев, Херсон. Устраивает лекции, лично просвещает зрителя в туманнейших, но пламенных статьях. По составу выставки были весьма пестры — от академика Исаака Бродского до бузотеров Бурлюков. Однако помнят салоны за самых отпетых «мазил» — «бубнововалетовцев» и «русских мюнхенцев», показанных вместе с Анри Матиссом, Жоржем Браком, Пьером Боннаром, Жоржем Руо, Джакомо Балла, Анри Ле Фоконье и другими. Помнят за то, что Издебский открыл Василия Кандинского: мало того что показал шестьдесят с лишним работ, так еще и его программную статью «Содержание и форма» в каталоге второго, 1911 года, салона опубликовал. Образцовый куратор лично отбирал в Париже фовистов и кубистов, в Риме — футуристов, в Мюнхене — Габриэлу Мюнтер и Альфреда Кубина.

Скульптору Издебскому вообще не сиделось на месте. Время было уж больно интересное: в рассуждении, чему бы поу-

Воспитанный на европейцах Владимир Издебский на язык американского экспрессионизма переходит одной загогулиной ФОТО НИКИТЫ ИНФАНТЬЕВА

читься, переезжал из Мюнхена в Париж, очаровывался Роденом и Кандинским, по пути — в Женеве — вступил в партию эсеров, но революцию решил делать художественными средствами — в виде салонов. Впрочем, когда грянула революция февральская, поспешил с семьей из Парижа в Петроград, а потом, разобравшись, что к чему, еле ноги обратно унес. В Париже по финансовым соображениям с искусством пришлось временно завязать и с 1925 года пробавляться дизайном. Так что к скульптуре Издебский вернулся только в начале 1940-х в Нью-Йорке, куда уехал после оккупации Франции нацистами.

Проблема в том, что первый, русско-французский период Владимира Издебского известен только по редким фотографиям: в эмигрантских мытарствах свое раннее творчество он порастерял, все оно то ли погибло, то ли прячется по мелким музеям и частным собраниям как творения «неизвестного художника». Поэтому нынешняя выставка состоит из американских работ 1940–1960-х годов, сделанных Издебским в очень преклонном возрасте, можно сказать на пенсии. Впрочем, судя по полуабстрактным гипсовым скульптурам (на перевод в бронзу у автора средств не было, отливом по его моделям занялись только сейчас в Русском музее) и сов-

сем абстрактным картинам, пенсионер сохранил прекрасную память и отличное зрение. Память о «русских парижанах», особенно о Жаке Липшице и Осипе Цадкине, о конструкциях Антона Певзнера и Наума Габо, о стилизациях art deco, о ранних, виденных где-нибудь в Париже, а может, уже в Нью-Йорке Альберто Джакометти и Генри Муре. Что же касается зрения, только диву даешься, как это семидесятилетний человек, воспитанный на европейцах, смог в конце 1950-х так легко перейти на язык американского абстрактного экспрессионизма: в гипсовых загогулинах есть что-то от скульптуры Дэвида Смита, в рисунках и полотнах с «набрызганной» краской — от дриппинга Джексона Поллока, а большие черно-белые холсты выглядят чистым Францем Кляйном. С Кляйном и другими живописцами круга абстрактных экспрессионистов Издебский, кстати, выставился в 1955 году, правда, критика его почти не заметила. Конечно, назвать Владимира Издебского большим художником никак нельзя: такого выловато, бесхарактерного и подражательного модернизма хватает в любом музее современного искусства. Однако в данном случае ценно не качество, а бескорыстная готовность вплоть до самой смерти быть если не в авангарде, то с авангардом.